

Расставание

Автор:

[Константин Русган](#)

Расставание

Константин Борисович Русган

Совершенно драматическое и в то же время жизненное произведение, в котором от лица главной героини рассказывается о болезни её мужа и о том, как его враги, родные и близкие реагируют на болезненное состояние и его дальнейшую смерть.

Константин Русган

Расставание

Октября 14.

Муж мой, Виссарион, весьма поздно вернулся с работы и был совершенно опечаленным и чахлым. Он даже не сказал мне пару приятных слов, как он это обычно делает, когда задерживается на работе. Вместо этого Виса суетливо взглянул на меня и какими-то странными шажками направился в спальню. Своими движениями он напоминал мне беспомощного старика, лет так, может быть, восьмидесяти. Виссарион подкашливал, вздыхал, держался за голову, живот и абсолютно ничего не говорил, как будто на мгновение лишился дара речи. Откуда бы Виса не возвращался, он всегда что-то да рассказывал, причём очень красочно и подробно, создавая впечатление, что такое необычайное описание он взял из какой-то книги; но сейчас же на нём и лица словно нет. Машенька, восьмилетняя дочь наша, тоже была как-то смущена болезненным видом отца и из-за страха не стала к нему подходить. Сначала я решила, что у Виссариона возникли проблемы с работой или его уволили, но вряд ли такой

излишне болезненный вид мог означать именно это. К тому же начальство его постоянно хвалит и даже относится несколько лучше, чем к остальным учителям. Надумывать что-то другое уже было бессмысленно, и понятное дело, что Виссарион мой страшно заболел, и похоже, что это была чахотка...

Когда я вошла в спальню, Виса беспорядочно лежал на кровати в серой шинельке и сапогах. Подошедши ближе, я села возле него, – и он как бы нехотя обратил на меня внимание своим чахлым, по- детски болезненным личиком и стал жалостливо вглядываться в мои глаза. Точно я не могла тогда понять, что было страшнее: неизвестное и не подходящее к его характеру молчание или просто лихорадочный взгляд. Впрочем, одно другому не мешало, а только усиливало. Моё сердце не могло более ощущать его страдания, и, когда Виссарион приложил к моему плечу ладонь, которая до беспокойства сердца обожгла своим холодом, я резко вскочила... вскочила и, спотыкаясь, побежала на кухню, принявшись немедленно заваривать травы. Я не понимала, что происходило со мною и тем более с Виссарионом. Моя правая рука тряслась и пока я держала её банки с травами, и пока ничего ею не делала. С работы я ожидала видеть Вису такого же радостного и яркого, милого и общительного, но внезапный момент, внезапная измена его настроения и упадок сил, – всё переменили и полностью наполнили обстановку нашей квартиры холодом, неизвестностью и мраком.

На кухне я была особенно суетлива и даже не обращала особого внимания на дочь, которая время от времени тихонечко спрашивала: «Что случилось с папой? Почему он такой грустный? Я м-могу тебе чем-то помочь?» Предложение о помощи я отказывала, а на остальные вопросы терпеливо молчала, продолжая разбирать травы. У нас их было очень много и хорошо, что всякие из них лечили только простуду (изредка попадались и успокаивающие травы). Одно было непонятно: будут ли они действовать? Через четверть часа у меня получилось заварить какое-то лекарство. Перелив получившееся в красную кружку, я быстро направилась к Виссариону.

Состояние его было неизменным; только дыхание поменяло тон. Оно стало каким-то грубым, глубоким, а временами, как кашель, резким. Сначала лицо Виссариона было повёрнуто в сторону стены, но, когда он почуял травяной запах лекарства, то неуклюже, словно какое-то бревнышко, перевернулся в мою сторону, взял кружку и начал понемногу пить; а затем, отпивши, опять перевернулся и затих. Минуты две спустя в спальню заглянула Машенька и шёпотом спросила:

– М-мама, как он?

– Кажется, заснул, – ответила я. – А ты чего не спишь, доча? Смотри: время – одиннадцать!

Она медленно кивнула и ушла в свою комнату, а я продолжила сидеть возле Виссариона, держа недопитое лекарство. И так я просидела больше двадцати минут, задавая себе один и тот же мучительный вопрос: почему он болен и когда, при каких обстоятельствах он успел заболеть и что с ним будет дальше? Мысли мои абсолютно скомкались. Я одновременно думала и о болезни мужа, и об одной истории, связанной с чахоткой. Была у меня старшая сестра, очень красивая и ласковая душенька; так вот она однажды заболела чахоткой. Произошло это так внезапно, что матери нашей пришлось растратить весь семейный бюджет на лечение; но сестре, к сожалению, сбор средств никак не помог. Знакомый доктор заранее сказал, что форма болезни у неё тяжёлая, и потому шанс на выздоровление был очень мал, – да что там! – он был равен нулю, абсолютному нулю! Однако мы не теряли надежду, но только до тех пор, пока сестра не скончалась. А теперь что? А теперь душа переживает за судьбу моего любимого мужа, Виссариона! И как же я раньше была удивлена, что Виссарион никогда не сдавался и был сильным, смелым и радостным человеком, совершенно спокойно реагирующим на всякую болезнь; но сейчас он, бедный, лежит... в совершенно лихорадочном состоянии, то ли спит, то ли нет, то ли дышит, то ли задыхается... Страшнее всего было думать о его смерти, ведь мало кто вылечивался в наше время от таких заболеваний, а если и вылечивался, то наверняка был каким-нибудь чиновником третьего ранга.

Я сама почувствовала на себе это неудобство в области груди, сама тревожно закашляла и испортила дыхание, потому что, если бы Виссариону хоть когда-то было плохо, то я всегда старалась посочувствовать ему самым сильнейшим способом, то есть я ставила себя на его место. Мною было уже решено, что к завтрашнему дню, я обязательно вызову лекаря, которого когда-то мы вызывали сестре. В таком же положении я просидела ещё десять минут, а затем, удостоверившись, что Виса спит, – легонько встала и на носочках пошла к Маше, решив, что буду спать с ней. Но как только нога моя ступила за порог спальни, Виссарион резко повернулся и промямлил: «Н-н-нет, не уходи, прошу тебя, Аннушка...» Я испугалась и тотчас же вернулась к нему, присела и начала поглаживать его болезненное лицо. И смотря на меня своими детскими голубыми глазами, он постепенно засыпал; а сама я решила, что буду спать сидя подле него.

Октября 15.

Проснулась я довольно таки рано, в половину седьмого утра. За ночь Виссарион хоть и не просыпался, но я всё равно спала не совсем спокойно. Думалось мне и о прошлом, и о будущем, а точнее о том, каким оно будет и будет ли вообще, потому что, если болезнь заберёт моего мужа, жизнь лишится смысла и, как свеча, быстро потускнеет. Сначала я направилась к Маше – она спала. Потом, долго не раздумывая, пошла на кухню делать завтрак. Я затопила нашу большую кирпичную печь и поставила на неё казанок – туда я мелко нарубила картофеля, лука и сунула куриного мяса. Через двадцать минут, как только начал появляться лёгкий запах варёной курицы, пришла Машенька.

«Доброе утро, доча! – сказала я. – Сегодня я пойду за врачом для нашего папы». В ответ она тоже пожелала доброго утра, кивнула и снова пошла спать. Она у меня такая соня!

Прошло больше получаса – сварился суп, и я налила его в небольшую тарелку и понесла Виссариону. К моему приходу, Виса уже не спал, но взгляд его был таким же лихорадочным, как и вчера. Я тихонечко под села к нему, поправила его подушку, одеяло и начала, как маленького ребёнка, кормить его с ложки. Он был доволен. Суп, как видно, получился вкусным. Как только он закончил кушать, я сказала:

– Дорогой мой, сегодня я тебе пойду искать врача. Не переживай, ты обязательно будешь, как раньше, резвым и здоровым.

– Кхе, – шепчет он, – ты оставишь меня одного? А вдруг что-нибудь случится?

– Не переживай, милый, я быстренько. К тому же Машенька дома. Если что понадобится, позовёшь её.

– Машенька... – с какой-то задумчивостью сказал он и, закутавшись в одеяло, перевернулся набок.

Я поцеловала его в лоб, оставила на табурете тарелочку и пошла. Выходя из дому, я дала наставление доченьке следить за Виссарионом и выполнять его

просьбы.

На улице было туманно. Туманны были и лица людей, которые попадались мне на пути; туманно было и моё сознание. Я искренне верила, что Виссарион выздоровеет, но в тоже время у меня было большое сомнение... Дома в этот день были почему-то особенно высокие и сплочённые; они будто бы окутали меня и начали свысока с каким-то сожалением и одновременно гневом глядеть в мои глаза. Я прошла один трактир, второй трактир, третий, пятый, седьмой... Потом мне попадались ювелирные магазины, чиновничьи учрежденья, бутики, бутики, аптеки и гостиницы... Наш город был таков, будто бы надо сначала сходить в ювелирный магазин, купить какое-нибудь мужское кольцо с бриллиантом, зайти в цветочный бутик, взять нарциссы, потом направится в чиновничье учреждение и договориться с каким-нибудь мелким чиновником по поводу какого-нибудь квартирного вопроса, а затем вместе с чиновником отправится в трактир на обсуждение проблем, а потом поехать в гостиницу на более подробное решение вопроса, а там уже и в аптеку после похмелья. Впрочем, так и было у нас.

Наконец я подошла к госпиталю. Внутри практически не было народу. Я даже подумала, что во всем городе только один мой Виссарион-то и болеет. Ну, вот я пришла к кабинету того самого врача, который лечил мою сестру, и робко постучалась. Мне ответили: «Да, конечно, входите... входите...»

Я вошла. Там действительно сидел наш знакомый доктор Серафим Всеволодович. В белом халате, с большой пышной бородой, в круглых очках с тяжёлой оправой, облысевший и постаревший, он внимательно посмотрел на меня и громко сказал:

– Анна Николаевна! Это же вы! Ох, как я вас сразу- то не узнал. Ну, ничего, хе-хе, богатой будете.

Я слегка ухмыльнулась, подошла ближе и села на стул.

– Ты, Анна, что-то какая-то печальная... Небось, заболел кто-то?

– Да, вы правы, – ответила я. – Муж мой, Виссарион, заболел и, кажется, что чахоткой.

– Чахоткой? – как-то задумчиво сказал он. – Анечка, в наше время, ты же знаешь, это неизлечимо абсолютно... Помнишь, как сестру твою лечили и не вылечили? А как все надеялись и верили в это! Но в итоге медицина оказалась бессильна, потому что в наш забытый Богом город ничего такого иностранного из медикаментов не поступает, а самим что-то изобрести не хватает смелости и опыта.

– Ну, Серафим Всеволодович! – плача начала я. – Есть же способ? У вас вон сколько эликсиров стоит, чего бы не попробовать?

– Я могу дать тебе успокоительное.

– Нет, Серафим Всеволодович. Не меня нужно лечить, а мужа моего. Найдите, прошу вас, способ, лекарство для него!

– Ладно, так уж и быть. Найду я ему лекарство. Только учти, Анечка, что долго придётся искать. У меня лично нет такого эликсира, поэтому надо ехать на склад или в центральный госпиталь.

– А сейчас как быть? – недовольно спросила я.

– Корми его супами, давай траву какую-нибудь – она, вероятно, у вас есть – и, конечно же, необходимо соблюдать покой и постельный режим. Так, я думаю, болезнь не будет быстро распространяться по лёгким. И да, Анечка, держи его только в тепле. Не давай мёрзнуть.

– Спасибо, Серафим Всеволодович, а когда вы посетите его, чтоб понять что да как?

– Вечерком обязательно зайду. Сейчас у меня будут приёмы других пациентов.

– Хорошо, я буду вас ждать. До свиданья!

– До свиданья!..

Я вышла из госпиталя и направилась домой. На улице было всё также туманно, и мысли мои тоже оставались суетливыми и туманными. Серафим Всеволодович

хоть попытается найти какой-нибудь эликсир, но меня всё равно мучила мысль, что эликсир может и не помочь. Ведь также было с моей сестрой? Да, именно так.

Внезапно я увидела, как какая-то пухленькая пожилая женщина, в пышном бардовом платье и с чёрным беретом, неуклюже бежала в мою сторону. Она будто бы узнала во мне кого-то, но только я сама не могла понять, кто она. Женщина была всё ближе и ближе, и я узнавала в ней черты матушки Виссариона: добрые голубые глазки, пухлые щёчки и большенький нос, – всё это я запомнила в её внешности, когда мы с ней познакомились.

– Здравствуй, Аннушка! – воскликнула она. – Сколько мы с тобою не виделись!

Да, это точно была матушка Виссариона, Екатерина Андреевна.

– Здравствуйте, здравствуйте, Екатерина Андреевна, – улыбаясь, ответила я, и затем мы обнялись.

– Ну, Аннушка, как ты, как сыночек мой?

– Он... заболел, очень сильно заболел; я подозреваю него чахотку...

– Как чахотку! Не может быть! – удивлённо воскликнула Екатерина Андреевна. – Он же ведь у меня всегда был таким здоровёхоньким и никогда особо-то и не болел, а тут что, Аннушка? Где ж он мог такую заразу подхватить?

– Сама не знаю, – грустно ответила я. – Пойдёмте к нам?

– Конечно, пойдём!

И мы пошли.

По пути Екатерина Андреевна рассказывала, что Виссарион её никогда, ни в детстве, ни в юности, не был повержен на какие-либо заболевания, а если и болел, то всё за два-три дня быстро проходило и долго не возвращалось. Она даже рассказала, как однажды практически вся семья болела: она, отец и дедушка, – а он был силён и здоров, всем помогал вылечиться. Потом Екатерина

Андреевна показала, что у неё с собою есть баранки и предложила угостить ими Виссариона. Я согласилась. Мы шли с нею мимо тех же трактиров, аптек, гостиниц и учреждений и неустанно разговаривали и думали, что да как будет с нашим любимым Виссарионом...

Когда мы вошли в квартиру, к нам тотчас же прибежала Машенька.

– Бабушка! – воскликнула она и кинулась ей в объятия.

Машенька всегда любила Екатерину Андреевну за её ласковый нежный голосок, пухлые щёчки, доброе сердце и пирожки, которые никогда не получались у меня, сколько б Екатерина Андреевна не учила меня готовить их.

– Хе-хе, привет, внученька, – ответила она.

Машенька несколько покраснела, попятилась и сказала ей:

– А ты знаешь, что папенька-то наш болен?

– Конечно, голубушка моя, я знаю. Вот и пришла я к нему.

Покамест Машенька общалась с бабушкой, я направилась в комнату Виссариона. Войдя туда, я почувствовала, что нахожусь не в комнате, не в затемнённой камерке, а в каком-то заброшенном морге. И ведь действительно Виссарион лежал на своей кровати как труп: практически не шевелился и ничего не говорил; лишь только, когда я вошла, он что-то мелко буркнул, но я не разобрала его слов, поэтому подошла ближе, села возле него, поцеловала в лоб и сказала:

– Ну, вот, Виссарион, как видишь, я дома. Доктор сказал, что непременно придёт к тебе сегодняшним вечером.

– Это хорошо, – шепчет он. – А вдруг он скажет, что я неизлечим?

Потупив свой взгляд на его холодные ладони, я промолчала, но в душе меня одолевала страшная тревога, и мне даже думалось, что я не выдержу и начну сильно, как из ведра, лить слёзы. Так и вышло... Я медленно обратилась головой

к его груди и заплакала, говоря: «Ничего, ничего, Виса, ты обязательно выздоровеешь», и тут как раз в комнату зашли родственники.

– Виса, мальчик мой миленький, – подбежав к нему, промолвила Екатерина Андреевна, – как же ты так заболел?

Я видела, как он обрадовался ей и, казалось, приход родной матери немного утешил эту нескончаемую боль в его теле. Виса даже чуть-чуть приподнялся. И когда он, ранее такой серьёзный, статный мужчина, жалостливо сказал: «Мамочка», я ещё больше заплакала, ибо такое слово мы произносим лишь в тот момент, когда состояние наше настолько плохо и неисправимо, что ничего, кроме как увидеть родную маму и сказать ей «мамочка», не нужно; в эти минуты мы возвращаемся в детство... Меня также удивило то, что сам Виссарион совсем не плакал, хоть и чувствовал какие-то боли. Его взгляд был какой-то добрый-предобрый, но и виднелась также какая-то слабовыраженная печаль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/rusgan_konstantin/rasstavanie

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)